

Речные имена в исторической и современной географии

Нигде на всем свете не имел места факт развития цивилизации вне речной среды.

Л. И. Мечников

Из всех топонимических образований наиболее устойчивыми оказались речные имена. Многие из них прошли через века и даже тысячелетия, сохранив основу, хотя в целом как-то изменились. Таковы Иордан, Дон, Днепр, Дунай, Рейн, Темза, Рона, Евфрат, Тигр, Нил, Ганг, Хуанхэ. Однако не следует такую стабильность понимать абсолютно. Время, ход истории отразились и на них. И все же гидронимы, как правило, меньше подвержены «эрозии», чем номенклатура населенных мест. В России известен уникальный факт забвения названия реки Яик. Появился

Урал. Это сделано по указу Екатерины II в 1775 г. после подавления крестьянского восстания под руководством Емельяна Пугачева, которое начиналось в районе Яика. Казахи и ныне говорят «Джаик», «Жаик», «Акжаик», сохранив тем самым старинную традиционную форму.

Изучение речных названий вызывает исключительный интерес у историков и лингвистов. Оно проливает свет на этногенез, этнические связи, указывает направление перемещения населения, помогает найти ответы на некоторые вопросы исторической географии. Именно гидронимы обладают большой информационной емкостью, еще далеко не исчерпанной. Их научно обоснованные этимологические исследования оказываются трудным делом, поэтому объяснения смысла нередко бывают спорными и даже противоположными.

Но здесь разговор пойдет не о происхождении речных имен, а о том, как они отразились в культуре народов и номенклатуре стран, исторических и природных областей, морей, их заливов и других географических объектов. Продуктивность такого процесса образования вторичных топонимов лишний раз подчеркивает важнейшее значение рек в истории народов.

Общеизвестно — жизнь без воды невозможна. Человек всегда селился близ реки, озера. Первые цивилизации развивались на речных и морских побережьях.

Интересно, что следы стоянок первобытного человека в пустынях обнаруживаются на склонах древних долин, по которым некогда текли реки, либо у берегов высохших стариц и озер. Так, например, неолитические орудия людей каменного века в Туркменистане найдены в мертвой долине Узбоя и в районе Сарыкамышской впадины, где когда-то было пресное проточное озеро. Затем оно высохло, поскольку река Амударья, питавшая Узбой и Сарыкамыш, стала впадать в Аральское море. Человек покинул и долину, и озерную котловину. Ныне вновь возродилось Сарыкамышское озеро, куда поступают минерализованные дренажные воды с орошаемых полей Хорезма. Но это уже явление антропогенное, современное.

Реки — это также пути сообщения. Они обеспечивали контакты между народами, способствовали обмену товарами, познанию окружающего мира, обогащению идеями. По рекам любознательные люди уходили в далекие неведомые земли, открывая для себя новые страны и народы.

У Тура Хейердала читаем: «Человек поднял парус раньше, чем оседлал коня. Он плывал по рекам с шестом и веслами и выходил в открытое море раньше, чем стал ездить на колесах по дорогам» (1982, с. 7).

Вспомним продвижение русских землепроходцев по рекам на северо-восток европейской части России в так называемое Заволочье, за Урал и в Сибирь вплоть до Тихого океана. Это было грандиозное предприятие. Пытливые купцы совершали большие путешествия в далекие страны по рекам. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина началось с плавания по Волге от родного города Твери до Каспийского моря: «Пошел я от святого Спаса златоверхого, с его милостию от великого князя Михаила Борисовича и от владыки Геннадия Тверских на низ, Волгою» (Никитин, 1948, с. 53). Это было в 1466 г. И на обратном пути путешественник добирался по Днепру от Киева до Смоленска, где и умер в 1472 г.

О значении рек в истории цивилизации очень интересно писал Лев Ильич Мечников (1838–1888), старший брат известного биолога. Лев Мечников много путешествовал, знал большое количество западноевропейских и восточных языков. В последние годы жизни работал над книгой «Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория прогресса социального развития». Она была опубликована в Париже после его смерти в 1889 г. на французском языке.

Л. И. Мечников считал, что человечество пережило три фазы в развитии цивилизации. Он называет их великими историческими периодами. Древнейший — речной, затем морской — от Финикийской федерации и основания Карфагена (до нашей эры) до Греции, Рима, Византии. Океанический — Новое время, исчисляемое от путешествий Христофора Колумба и открытия Америки.

В течение первого периода люди еще не освоили плавания по морям, они боялись морских стихий, но хорошо

понимали значение рек для хозяйства. Реки, по образному выражению автора книги, — «великие воспитатели человечества». Египтяне называли Нил Тзан-анта — «кормилец мира», а современные феллахи зовут его Абу-аль-Барака («благословенный отец»). «Река, во всякой стране, является как бы выражением живого синтеза всей совокупности физико-географических условий, и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области» (Мечников, 1924, с. 159).

Какие же древние речные цивилизации видит Л. И. Мечников? Их четыре.

1. Египетская на реке Нил. Ирригация здесь потребовала организации общественных работ, централизации власти жрецов и фараонов, столица Мемфис называлась также *Nakartah* — «жилище богов». Это имя древнегреческие писатели передавали в форме *Aegiptas*, Египет. Заметим, что египтяне называли свою страну Кипет — «черная, страна чернозема» по почве в долине Нила. Красная земля — это пустыня, степь, пески. Поэтому черный цвет считался хорошим, красный плохим (История древнего мира, 1937). Такая символика прямо противоположна нашим представлениям, где красный соответствует красивому, хорошему, а черный чему-то плохому.

2. Тигр и Евфрат. В их бассейнах рождались и умирали великие цивилизации аккадов и шумеров, Ассирии, Вавилона. Уже за 2300 лет до н.э. в долинах горной Армении возникли зачатки культурного земледелия и животноводства. Греческое географическое название Месопотамия (Междуречье) сохранилось в мировой картографии до наших дней.

3. Инд и Ганг. Именно здесь происходило становление самобытной цивилизации многочисленных народов Индостанского полуострова, среди которых выделяется оригинальная культура Индии, на языке хинди — Бхарат.

4. Хуанхэ и Янцзы. Первая из них, считает Л. И. Мечников, — «творец небесной империи». «Китайцы хорошо сознавали зависимость их цивилизации от рек, они отлично понимали роль и значение в деле создания их государства великих рек, и на их образном языке правительство и власть обозначается понятием текущей воды... По моему убеждению, на

всем беспредельном пространстве материков Старого Света истинным творцом истории следует считать вообще среду, а река имеет здесь значение лишь потому, что является как бы синтезом многочисленных географических условий... Красноречивый пример четырех великих древних цивилизаций кажется мне достаточным для того, чтобы доказать, что нигде на всем свете не имел места факт развития цивилизации вне речной среды, внушающей своим обитателям чувство ясно выраженной солидарности, но это не мешает мне признавать, что создание необходимой солидарности может быть внушено человеку географической средой и помимо посредничества рек» (Мечников, 1924, с. 246–247).

По Л. И. Мечникову, со временем речная цивилизация должна была либо погибнуть, либо раствориться в более мощном культурном потоке, перейти в морскую подобно тому, как всякая река стремится достигнуть моря. Таким морем прежде всего оказалось Средиземное. Известно ныне также о ранних плаваниях арабов в Индийском океане и китайских мореходов в дальневосточных морях. Человеку стало тесно в ближних морях, он отправился на поиски новых путей по океанам. Открыл новые материки и бесчисленные острова в Западном полушарии и Тихом океане. Так настала всемирная океаническая эпоха. И все же подчеркнем: начало исторического развития человечества, зарождение всеобщей цивилизации лежат в первом периоде — речном.

В начале своего известного «Курса русской истории» В. О. Ключевский писал: «Речная сеть нашей равнины — одна из выдающихся ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, то есть Южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих; они многочисленны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе с тем заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России...» (1911, с. 58). Реки, как главные пути сообщения, и торговые города на них стали важным экономическим фактором в жизни Русского государства. «При таком влиянии на народнохо-

зайственный обмен реки рано получили еще более важное политическое значение» (Там же, с. 67).

Понять Геродота можно. Он уроженец города Галикарнаса, что в Малой Азии, где нет больших полноводных рек, так же как и в тех странах, где он путешествовал: в Греции, Финикии, Вавилоне. В Египте он видел Нил, но Нил одинок во всей Северной Африке. И естественно, что его поразила мощь Дуная, широкий Днепр, Днестр и Дон.

Мысль Л. И. Мечникова о «реках — воспитателях человечества» прозвучала и у В. О. Ключевского (1911), когда он писал о том, что река, сама любя порядок и закономерность, тем самым воспитывает чувство порядка в народе, дух предприимчивости, побуждает к совместному «артельному» действию, к размышлению. В прошлом именно реки сближали людей, сплачивали их в сообщества.

Справедливость, однако, требует сказать, что задолго до В. О. Ключевского о роли рек в становлении русской цивилизации метко сказал профессор Варшавского университета Н. П. Барсов, один из первых исследователей географических названий: «Нет сомнения, что исконные поселения славян были расположены по рекам и проточным озерам, представляющим удобнейшие пути сообщения. Все исторически известные поселения славян и следы их древнейших обиталищ — городки и городища — мы находим именно на таких речных и озерных побережьях, тогда как сама начальная летопись также распределяет расселение восточнославянских ветвей по рекам и озерам. Теми же водными путями должно было идти и дальнейшее распространение населения, вследствие его естественного размножения. Это открывается, между прочим, в том любопытном факте, что и теперь еще многие реки, сближающиеся между собой или устьями, или источниками, носят одинаковые названия, очевидно перенесенные расселявшимися племенами с одной на другую» (1873, с. 72–73).

Какие пары исторических рек видит Н. П. Барсов? Это Западный и Южный Буг, две Случи в бассейне Припяти, две Березины — неманская и днепровская, две Нерли в Поволжье. Д. С. Лихачев, анализируя текст «Слова о полку Игореве» (1985, с. 225–226), отмечает, что для летописцев XII в.

была характерной традиция — описание местностей по рекам, а не по княжествам, что понятно, учитывая их значение в экономической жизни Руси. «Корни этих настойчивых определений стран по рекам понятны: реки в древности имели гораздо больший удельный вес в экономической жизни страны, чем в Новое время: в промысле, в торговле и как пути сообщения. Не случайно «Повесть временных лет», давая в своей вводной части географическое описание Русской земли, ведет его по рекам: Днепру, Волге, Западной Двине. В связи с этим становится понятным и значение реки как символа страны. Это символическое значение реки отразилось в обычаях и в языке. Так, например, «напоить коней из реки» — победа; «вычерпать воду из реки» — полная победа, символически говорит о том, что такая река не может быть препятствием для Руси. Цель похода князя Игоря — «испить шоломом Дону».

Генрих Латвийский указывает, что литовцы под Кукуной-сом кинули копье в Двину в знак разрыва с немцами. Нечто подобное находим мы и на Руси: под 1245 г. Ипатьевская летопись рассказывает о том, что Василько Романович стрелял через Вислу, объявляя войну Польше. И даже позже, уже во второй половине XVI в., Иван IV Грозный в письме Курбскому наказывает: «...и коней наших ногами переехали вси ваши дороги из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и воду во всех тех местах пили, и но уже Литве нельзя говорити, что не везде коня нашего ноги были» (Там же, с. 226).

В средневековом Поволжье волжско-камские болгары (булгары) свои города и поселения приурочивали к берегам рек. «Как сказано еще в «Армянской географии» VII века, болгарские племена именуются по названиям рек... Одни племена давали названия населенным пунктам, другие же — сами назывались по месту обитания» (Гарипова, 1991, с. 185).

В. А. Булкин (1985) находит парные гидронимы на севере России, он их называет зеркальными: Пижма Мезенская и Пижма Печерская; Ежуга Пинежская, Ежуга Мезенская и Ежуга Зырянская; Ед Лоптюжский в бассейне Вашки и Ед Лоптюжский в бассейне Мезени; Черный Шортамский в бассейне Вашки и Черный Шортамский в бассейне Пинеги; Кельтма Южная в бассейне Камы и Кельтма Северная в бассейне Вы-

чегды; Мылва Вычегодская и Мылва Печорская; Нерль Клязьминская и Нерль Волжская.

Очень любопытны перечисленные С. М. Середониным (1916, с. 218) гидронимы-близнецы, которые отличаются только формантами -ма на вятской земле и -ва на пермской:

Пож-ма	Пож-ва
Валь-ма	Виль-ва
Нерт-ма	Нертъ-ва
Сизь-ма	Сизь-ва
Едо-ма	Яд-ва
Урдо-ма	Урд-ва
Нур-ма	Норо-ва

К востоку от Уральских гор часты речные имена, оканчивающиеся на -ва.

Эти примеры повторяются и в других местах Русской равнины. Трубеж Днепровский и Трубеж Деснинский; Замглай Деснинский и Замглай Сожский; Буг (Бог) Южный и Буг Западный; Гнилопять Тетеревский и Гнилопять Бужский. Такую парность речных названий не объяснить случайностью. Она возникла как следствие транспортных волоковых путей, когда наши пращуры плыли из одного бассейна в другой, переваливались через водораздельные участки, где волочили свои суда или перетаскивали грузы с одного речного верховья в другое. Такие участки стали именоваться волоками, переволоками, тасками, перетасками. Водные дороги по двум рекам получали одно название. Эти соображения позволили А. В. Булкину считать парными и Западную и Северную Двину, даже несмотря на большое расстояние, преодолеть которое можно было через несколько волоков.

Слово волок в русском языке имеет еще несколько значений: перешеек между озерами или участок морского извилистого берега, где для сокращения пути удобно перетаскивать малые суда по суше; расстояние между почтовыми станциями; дорога в лесу, лес, откуда вывозили деревья волоком; земельный участок, очерченный бороной или волокушей. На севере также и горный перевал.

В прошлом волок — важнейшее звено транспортных путей, а ныне ценный свидетель событий исторической географии России.

В. О. Ключевский (1911) отметил, что узорчатая гидрографическая сеть, связанная в единое целое волоками или каналами на плоских водоразделах, облегчала судоходство и способствовала концентрации населения в деревнях и городах, возникших на берегах рек. Естественно, что слово оказалось весьма активным в формировании географических названий населенных мест, лежащих в верховьях рек, по которым были проложены пути, связывающие разные водные бассейны. Таковы топонимы: Волок, Волока, Волоки, Волоковна, Волоковский, Волоконск, Волоконовка, Волочанка, Волочаново, Волошка, Волошково, Волошинка, Волошня, Волочье, Волочек, Переволок, Переволока, Переволоки, Переволочье, Переволочья, Перевольна, Суволочное. Среди них — город Вышний Волочек, расположенный на водной системе, строительство которой было начато еще при Петре Великом. До начала XVIII в., когда еще не было каналов, суда поднимались по Тверце, с верховьев которой товары гужом перевозились до реки Цны, впадавшей в озеро Мстино, где истоки реки Мсты, несущей свои воды уже в Ильмень. Так осуществлялась транспортная связь между бассейнами Волги и Балтийского моря.

Здесь приведены 22 формы собственных географических названий, образованных от нарицательного волок. Столь большое количество производных явно указывает на его высокую продуктивность в номинации населенных мест на Руси. В настоящее время эта лексема потеряла свою активность и осталась указателем древних транспортных путей.

Ареал географических названий со словом волок ограничивается теми областями Белоруссии, Украины и России, где густая гидрографическая сеть позволяла прокладывать пути-дороги по рекам. В коми языке есть аналогичные термины *мосьор* — «путь по водоразделу, сухопутье, волок» и *нотыс* — «волок, место перетаскивания лодки с верховьев одной реки в истоки другой». Показательно имя Волоколамска — волок на реке Ламе. Эта река течет по Московской земле. Здесь издавна существовал водный путь из бассейна Москвы на

Верхнюю Волгу. Поднимались по реке Рузе, затем по ее левому притоку Волошня. С ее верховьев перетаскивали суда на реку Ламу — правый приток Волги. Волоколамск первоначально находился на реке Ламе на сыром болотистом берегу. А затем был перенесен на восток, на ее небольшой приток Городенку. Поэтому название города уже не отражает его местоположение на берегу Ламы. Так получилось и с Оренбургом, который некогда находился на реке Ор, при впадении ее в реку Урал. В 1839 г. город был перенесен почти на 200 км вниз по Уралу в урочище Красной Горы. Это название почти забыто, а Оренбург сохранилось, но уже для нового местоположения.

Большой известностью пользовался Яузский волок, через который лежал путь из Москвы на Клязьму, а по ней уже в Оку. Он сокращал окружное плавание по Москве-реке до ее устья, а затем вниз по Оке. Не случайно на Яузском волокe возникло укрепление Яузский Мыт, а ныне город Мытищи, где брали мыт, то есть пошлину с перевозимых товаров. Соседство топонимов, производных от *волок* и *мыт*, отмечается в других местах Русской равнины.

Знаменитый волок был в среднем течении Волги, где она большой лукой длиной 150 км огибает Жигулевские горы. Чтобы избежать долгого пути по Волге, пользовались притоком Усы, которая в своем верховье подходила в Волге ниже Жигулей. Отсюда переваливали волоком из Усы в Волгу. След его в селе Переволоки. Этот путь сокращал плавание на 120 км. Такое же название свидетельствует о волокe на узком водоразделе между Волгой и Доном ниже Волгограда.

В. А. Жучкевич (1979), используя топонимические свидетельства, показал целую систему волоков на реках Белоруссии и соседних областей России, в том числе между бассейнами Днепра и Западной Двины, между бассейнами Западной Двины, Ловати и Великой (приток Псковского озера), бассейнами Днепра и Немана. Повсеместно на водоразделах сохранились селения Переволоки и Волок. А. П. Афанасьев (1979) на основе анализа географических названий рассказал о волоках в бассейнах Мезени, Печоры и других северных рек.

Валдай — центральный гидрографический узел Русской равнины, где находятся истоки наших многоводных рек Волги, Днепра, Западной Двины. Именно здесь лежит великий водораздел, откуда по рекам можно доплыть к берегам трех морей — Балтийского, Каспийского, Черного.

В летописной «Повести временных лет» упоминается Оковский лес на обширном пространстве Валдая, вплоть до истоков Ловати, реки Вазузы, озер Селигер и Пено. Л. В. Алексеев приводит слова летописца: «Днепр бо потече ис Оковского леса, и потечеть на полдне, а Двина ис того же леса потечеть, а видеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса птече Волга на вьсток» (1974, с. 6). Естественно, на Валдае должно быть много волоков, что отражено на карте Оковского леса, составленной этим автором. На ней можно обнаружить деревни Волок (повторяется дважды), Волочек, Переволочье, Перевоз. Ныне сохранилось селение Оковцы, или Оковец. Как предполагает Л. В. Алексеев (Там же, с. 11), «обилие волоков в Оковском лесу послужило основанием переосмысления его названия из Оковского в Волоковский, Вьковский или просто Волконский, как он и стал обозначаться в более поздних источниках». Однако исследователь северной волоковской лексики А. П. Афанасьев (1979) считает, что имя Оковского леса произошло от финно-угорской основы *охт* — «волок», которая присутствует в гидронимах Охта, Охтомица, Вохтома, Ухтома и др. Можно представить, какова была роль Оковского леса и вообще волоков в исторической географии средневековой Руси, когда реки были важнейшими транспортными артериями страны.

По-иному трактует происхождение топонима Оковский лес академик О. Н. Трубачев (1992, с. 64, 69), который видит в нем адаптированное балтийское название *Aku(n) me-djas* — «родниковый лес». Литовское *akis*, латышское *aka* не только «глаз», но и «чистое место в заросшем болоте», латышское *aka* — «родник, колодец». Одна из речек в этом лесу, приток Западной Двины, Межа, возможно, отражает балтийский рудимент «лесная» и соответствует латышскому *mežs* — «лес». В этом ряду оказалась и река Ока, в названии которой также «дремлет субстратное балтийское *aka* — первоначаль-

ное название прежде всего истоков, верховьев Оки (прочие этимологии имени Ока менее удовлетворительны). Автор этих цитат видит отражение волоковой лексики и в гидрониме Катунь, притоке Днепра, восходящего к глаголу «катати», когда «посуху» суда перекатывали на катках с верховья одной реки на верховья другой. Последующие наименования Оковского леса — Волоковский, Волоконский появились уже в результате народной этимологии от непонятого Оковский. Топонимы Волконь, Волконск, Волконская (она же Волоконовка), Волоконская, Волоконовский в Курской, Калужской, Воронежской губерниях, Волхонка в Москве и известная княжеская русская фамилия Волконский «медленно начинают вдаваться в очерченный нами этимологический круг».

В. А. Гиляровский ошибочно производил имя города Вологда от слова волок (1987, с. 25). Будучи уроженцем Вологодской губернии, он хорошо знал местную терминологию, поэтому интересно его свидетельство многозначности этого старинного русского термина:

«Волок — другого слова у древних раскольников для леса не было. Лес — они называли бревна да доски.

Да и вообще в те времена и крестьяне так говорили. Бывало, спросишь:

— Далеко ли до Ватланова?

— Волок, да волок — да Вотланово.

— Волок, да волок, да Вологда.

Это значит, надо пройти лес, потом поле и деревушку, а за ней опять лес, опять волок.

Откуда это слово — а это слово самое что ни на есть древнее. В древней Руси назывались так сухие пути, соединяющие две водные системы, где товары, а иногда и лодки перевозились от реки до реки. Но в Вологодской губернии тогда каждый лес звался волоком».

Исследователь вологодской топонимии А. Кузнецов (1991, с. 126–128) перечисляет много гидронимов, производных от волока и ухт: озера Волоцкое, Ухтомярское, Ухтозеро, реки Уфтюга, Ухтомица, Вохтога. Среди волоков Красный отмечен еще в писцовых книгах. Он получил такое имя от красивого, живописного озера Волоцкого, из которого выте-

кает Ухтома, впадающая в Белое озеро. Во всех приведенных названиях значение волок, охт, ухт (опять же волок) прямо указывает на водораздельные места, где волочили лодки или товары от верховья одной реки к другой. Любопытно, что у Красного волока есть участок пути, который жители именуют Перетаска — там, где перетаскивали грузы.

В другой работе А. В. Кузнецов (1991, с. 81) обращает внимание на присутствие в северной топонимии слова матк — в вепском «путь, дорога», в саамском «перешеек, волок»: «Истоком реки Вытегры до сооружения Мариинского канала служило Маткозеро — «Волоковое озеро». С него начинался новгородский Гостин Немецкий волок, следовательно, водно-волоковый путь из Онежского озера в Белое был известен до славян». Вытегра впадает в Онежское озеро. Между реками его бассейна и реками, текущими в Ладугу и Белое, на водоразделах насчитывается четыре озера Матк. И всюду они указывают на древние волоки.

И еще вспомним ныне почти забытое Заволочье. Трудно очертить границы его земель. Они простирались на северо-востоке за какими-то волоками. В средние века это была территория в бассейнах Северной Двины и Онеги, богатая пушным зверем, рыбой, полезными ископаемыми. Заволочье — место новгородской колонизации. В современных энциклопедиях и словарях географических названий этот топоним уже не упоминается. Его можно обнаружить в трудах историков, этнографов, в художественной литературе, в которой Заволочье нередко оказывается областью с туманной историей и неясной географией.

На месте некоторых древних волоков были построены каналы, сообщение между реками, относящимися к разным бассейнам, упростилось. Как правило, названия таких каналов апеллируют к парным гидронимам: Беломорско-Балтийский канал, канал Волго-Дон, Москва—Волга — ныне им. Москвы (уже по столице), Днепро-Бургский, Обь-Енисейский. Однако персональные названия обнаруживаются и в этой группе топонимов: Мариинский, соединяющий Онежское и Белое озера, Екатериновский между бассейнами Печоры и Камы.

Здесь были показаны географические названия, связанные со словом *волок* в основном на примерах европейской части России и Белоруссии. Но *волок*, как важное звено древней транспортной системы, конечно же использовался и в Сибири, и даже на Дальнем Востоке. У сахалинских нивхов слово *муvm* указывает место, где перетаскивали лодки из заливов в открытое море.

В речных названиях Десна и Шуя видят доказательства направления славянской колонизации с юга на север по рекам, их притокам. Наличие большого количества таких гидронимов давно заинтересовало ученых. О происхождении речного имени Десна уже опубликовано много работ, авторы которых по-разному его осмысливают, исходя из принадлежности к иранским, балтийским, славянским языкам. Некоторые исследователи объединяют гидронимы Десна и Цна в один ряд, другие отрицают возможность их сопоставления.

В древнерусском языке *десный* — «правый», *десница* — «правая рука», *шуи* — «левый», *шуйца* — «левая рука». Кажется бы, река Десна (а может быть и Цна) должны быть правыми притоками, а Шуи — «левыми». Между тем географическая карта опровергает подобное положение. В Белоруссии есть три реки Цна. Все они оказываются левыми притоками Гайны, Свислочи, Припяти. В. А. Никонов (1966) перечисляет восемь речных имен Цна и три — Десна. Они отмечаются в бассейнах Днепра, Оки, Вислы. Из них только литовская Цна оказалась правым притоком Уши. Кроме того, две реки Десна текут в Югославии в Чехии, они тоже левые притоки Моравы и Каменницы. В действительности в славянских странах их десятки, о чем будет сказано ниже.

И здесь возникает много трудных вопросов, на которые совсем непросто ответить. Правомерно ли считать родственными гидронимы Десна и Цна? Почему они, за очень малым исключением, оказываются левыми, а не правыми притоками? Вызывает недоумение небольшое количество гидронимов Шуя в сравнении с Десной и Цной. Как заметил В. А. Никонов, ареал гидронима Шуя охватывает главным образом северо-восточные области и почти нигде не смыкается с ареалом гидронима Десна. Нарушается парность названий «пра-

вый-левый», что настораживает и не подтверждает противопоставления. Подобное положение пытаются примирить разными соображениями и предлагают следующие этимологии «Десна»: 1) как эвфемизм значения «левый», заменяя одно слово другим, показавшимся более подходящим по каким-то соображениям (табу); такое объяснение трудно принять; 2) из индоевропейского *дъсьна* — «сиять, сверкать», что маловероятно, так как поверхность любой воды в ясную погоду обладает отражательным эффектом; 3) из славянских *дъска*, *доска*, *досчатый*, мотивируя наличием леса, строительным материалом в долинах рек с именем Десна; 4) Десна, Дисна, Тсна, Цна из *теснь* — «узкая, тесная»; 5) из балтийского *tusnap* — «тихая»; 6) изменением со временем порядка номинации правых и левых притоков. В наше время ориентация направлена вниз по течению реки: Кама — левый приток Волги, Ока — правый. Но в прошлом мог существовать обратный порядок. Такое утверждение основывается на известном факте продвижения славянских племен с юга на север вверх по течению рек. В таком случае многие реки с именами Десна, Цна оказываются впадающими справа от путников. Об этом писали многие авторы, начиная с академика А. А. Шахматова (1960, с. 49): «Движение с юга на север, ни в коем случае не с севера на юг, свидетельствуется двумя речными названиями: один из левых притоков Южного Буга называется Десной и так же называется левый приток Днепра: очевидно, эти реки приходились справа шедшему вверх по течению населению».

Вспомним, что древние русские карты («чертежи») были ориентированы на юг, а не на север, как принято в наше время в мировой картографии. В этом случае южная сторона помещалась на верхней части карты, на правой стороне оказывалась западная, на левой — восточная.

Большая, итоговая на данное время статья, посвященная этимологии «Десна», написана академиком Н. И. Толстым (1984). Он привел списки 19 гидронимов в формах Десна, Десенка, Десней, Деснок, Деснокитка, Десновка, Деснивка и шесть — в формах Шуйца, Шуловка, Шулячий, Шулешка, Шуенка, Шуйка (Шувойка, Шувайка). «В целом восточнославянский материал показывает, что в подавляющем числе случаев

гидроним Десна относится к левым притокам, а Шуйца и т. п. к правым, хотя число последних невелико. Есть, однако, примеры, когда Десна, Десенка оказываются правым притоком, а Шуловка левым притоком» (с. 209). Впрочем, гидроним Шуловка, как оказалось, не является производным от «шуя».

В южнославянской топонимии — в бывшей Югославии и Болгарии — отмечаются Десна, Десна Река, Десна Лука. Очень интересна находка ряда речных имен: Лева река (повторяется дважды) в бассейне Вардара, Лева река в бассейне Струмы. Все они оказались правыми притоками. Пара горных потоков Лева Река и Права Река, сливаясь справа и слева, образуют реку Рашкограшничку. Точно такая же пара формирует Згуровску Реку. И опять смысловое значение прилагательных противоречит современной ориентации этих водных объектов. Гидронимия Болгарии демонстрирует устойчивость определения левая для правых притоков: Лева, Лева Видима, Левица, Левый Искыр — все оказываются правыми притоками. В Словении Десница — левый приток Дравы, а Шуйца — правый Градашчицы. В Боснии и Герцеговине многочисленные гидронимы, приводимые Н. И. Толстым, полностью подтверждают противоречивость их положения. И здесь повсеместно речные имена Десна, Лева, Лјеваја оказываются правыми притоками.

Подводя итог гидронимической номенклатуры Югославии, Н. И. Толстой пишет: «Число левых рек в Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине превышает число правых, но все они, почти без исключения, обозначают левые и правые притоки в ориентации, обратной нашей современной принятой в гидрографии» (1984, с. 215). По свидетельствам болгарского ученого И. Захарьева и сербов М. Филиповича, Д. А. Алерича, жители Балкан исходят из пространственной номинации рек против течения, а не по течению, как это ныне практикуется. «Они сообщают также, что левая и правая сторона определяется в позиции, когда человек стоит лицом к стремящемуся к нему потоку воды. Есть все основания полагать, что это древняя общеславянская особенность» (Там же, с. 219). Таково, по Н. И. Толстому, решение одного из спорных вопросов исторической географии славянского мира. Отсюда видно, что гидронимы Цна оказываются не в одном ряду с Десна, как и Сос-

на, которые ряд исследователей топонимии России также пытались объединить по форманту *-сна, -цна*.

Трудно сказать, будет ли продолжена дискуссия о Десне и Шуе. Пока нет ответа на вопрос, почему частотность Десны в номинации несравненно бóльшая, чем Шуи, почему не выдерживается парность? Но заметим, что Десна на Балканах нередко соответствует гидрониму Лева. Однако не исключено и такое объяснение: речное имя Десна может указывать на правильность речного пути по притокам для продолжения плавания. Название небольшой горной речки, на которой невозможно пользоваться лодкой, информирует о возможности движения по долине, в верховьях которой есть проходимый перевал. Ведь слово *правый* многозначно: хороший, истинный, правильный. Сравним: правосудие, православный, правота, правый, то есть достоверный. Заметим, что эти лексемы, как правило, не присутствуют в славянской топонимии. Исключения редки. Из 205 000 географических названий, перечисленных в полном указателе к Атласу мира 1954 г., только четыре населенных пункта поименованы Хорошовка, Хорошеборка, Хорошево, Хорошее, озеро Хорошее. Можно вспомнить еще село Хорошево, ныне вошедшее в черту Москвы и оставившее след в Хорошевских проездах, улицах и шоссе.

И. Ф. Мазанько (1974) отвечает на вопрос, почему в русском языке соседствуют два слова — *десный* и *правый* — для одного понятия. Оказалось, что первое применялось только для обозначения пространственной ориентации, тогда как второе отвечало смыслу «правильный, верный, истинный». В прошлом они не подменяли друг друга.

Попутно замечу, в «Этимологическом словаре славянских языков» (1977, с. 218–219) сказано, что гидроним Десна не может быть объяснен как правая (река), так как ни в восточнославянских, ни в западнославянских языках этого слова не было. Есть оно в южнославянских и в литовском, «что допускает вторичную славянизацию родственного балтийского названия со значением правая река». Славянское *desnъ* сравнивают с латинским *dexter* и древнеиндийским *daksina* — «правый и южный». Такое совпадение указывает на восточную ориентировку насельников Индостана. Подобная сопряжен-

ность «правый и южный» наблюдается в ирландском слове *dess* (Фасмер, 1964, с. 506), добавлю — и в некоторых восточных языках.

Названия рек отложились в этнонимах. Так, древние славянские племена бужане, полочане, висяне, полабы, финно-угорское ижора восходят к Западному Бугу, Поле — к притоку Ильменя, Висле, Лабе (Эльбе). Не выяснена последовательность в становлении имени ижорцев, что здесь первично: гидроним Ижора или этноним?

Одна из волжских республик — Мордовская. Часть мордовского народа называет себя мокша, что восходит к имени правого притока Оки — Мокше. На Северном Кавказе отдельные группы балкарцев и карачаевцев именуют себя по рекам Малке, Безинги, Чегем. Считалось, что этноним *карачай* восходит к гидрониму Карачай (черная река). Но такой реки нет в местах проживания карачаевцев. И нет основания утверждать происхождение их самоназвания от слова чай — «река».

В Таджикистане в горах Кухистана в глухом ущелье реки Ягноб приютился древний малочисленный народ ягнобцы, они считаются наследниками согдийцев — культурного средневекового народа Средней Азии. Среди памирских народов различают ваханцев, бартангцев, язгулемцев, сарыкольцев. Их этнонимы прямо восходят к названиям притоков реки Пяндж — верховья Амударьи.

О номинации этнических подразделений по гидронимам писал один из крупнейших исследователей этнографии Дальнего Востока В. И. Иохельсон: «Каждая территориальная группа носила название той реки, которую занимала. Таким образом, были алаи, омолодзи, онмудзи, конгийнадзи, хорходондзи и т. д., то есть жители Алазеи, Омолона, Колымы, Конгиина и Коркодона. Конгиина есть приток Омолона, а суффикс *дзи*, потерявший в общекабирском языке значение отдельного понятия, сохранился еще в тундреном наречии как самостоятельное слово, означающее люди» (1898, с. 257). Академик В. В. Радлов свидетельствует, что шорцы Сибири «не имеют общего названия, а называют себя по рекам, на берегах которых живут — пызас кизи (люди с Псаса), мырас кизи (люди с Мраса), том кизи (люди с Томи)» (1989,

с. 93–94). И ниже об алтайцах — алтай кизи и чу кизи, то есть люди с реки Чуя.

Тюркоязычная топонимия отражает родоплеменную структуру народов. Среди них широко представлены роды кант, канга, кангар, кангалас, каны, каныклы, канглы. Всюду видна корневая морфема *кан/канг*. О таких этнонимах опубликовано несколько работ. Большинство исследователей склоняются к происхождению этого ряда от термина *канг* — «река» и от гидронима *Канг*, то есть Сырдарья. *Кангар* — «люди с реки *Канг*». Первичным оказалось имя реки. Гидронимический ареал с *кан/канг* охватывает очень большую территорию Центральной и Восточной Азии, Южной Сибири.

В Словакии река Морава впадает слева в Дунай. В средние века в ее бассейне размещалось Моравское государство. Его населяли славяне, моравляне, мораваны.

На севере Испании протекает река Эбро. В основе этого гидронима баскское нарицательное *ebi* — «река» или *ibar* — «плодородная речная долина». Эта сравнительно небольшая река дала название Иберийского полуострова, а его жителям — иберы (Никонов, 1969).

Нередко гидронимы выступают в роли объединения жителей в названиях землячеств. Например, волжане, вятичи (жители Вятской губернии в бассейне Вятки), кержачи (жители долины Керженец, сравнительно скромного левого притока Волги).

Здесь приведено несколько примеров, которые показывают переход речных названий в этнонимы. Нередко наблюдается противоположная закономерность, когда имена народов читаются в гидронимах: река Халхын-Гол (река халхасцев) на востоке Монголии, река Ойгур (уйгурская) и озеро Хяргаз-Нур (киргизское) на западе этой страны, река Славянка под Петербургом, Нижняя Тунгуска и Подкаменная Тунгуска в бассейне Енисея.

А. М. Микляев с успехом применил топонимический анализ для установления расселения славянских племен на северо-западе России (1984, с. 27). Для этого он изучил распространение географических названий с окончанием *-гост*, *-гощ*, которые присущи восточнославянской номинации. Их оказалось 175 в Восточной Европе, из них 85 в северо-западных

областях России: «Исключительно обильна пунктами местность к югу, а в особенности к юго-западу от озера Ильмень. Здесь на побережье Ильменя и в истоках Луги, Плюсы и левых притоков Шелони сосредоточено двадцать семь топо- и гидронимов... Концентрация, не повторяющаяся нигде более в Европе». Ареал и плотность таких географических названий позволили А. М. Микляеву наметить пути миграции славянского населения из бассейнов Западной Двины и Днепра на верховья Волги, на реки Мсту, Волхов, Лугу и озеро Ильмень. Н. В. Подольская (1983) составила большой список личных и географических имен с окончанием на -гост, -гощ, связанных с гость, среди них праславянские формы, старорусские и современные топонимы Будагощ, Любогощ, Милогощ. Они, возможно, возникали на местах постоянных (заезжих) и гостинных дворов (сравним русское *гостиница*). На Руси топоним Погост обычен в северных и центральных областях России.

Р. А. Агеева пишет, что многие географические названия на -гощ оказались этимологически темными и не объясняются из славянской лексики, например, озеро Керегощ близ Селигера. И все же топонимический ряд с этим окончанием говорит о ранней славянизации бассейна озера Ильмень и Валдайской возвышенности, что подтверждается и многими гидронимами: «Это прежде всего относится к бассейнам Ловати, Великой, Шелони. Названия Великая, Желча, Кунья, Мшага, Велье, Плюса, Пскова, Черма (Черный ручей) и озеро Черемянецкое, Редья, Робья, Снежа, озеро Бологое и другие свидетельствуют о том, что области к югу и западу от Ильменя, а также район между Чудским озером и средним течением Луги, часть бассейна Великой были заселены славянами с глубокой древности... действительно, в указанных областях количество финно-угорских названий резко уменьшается за счет большого скопления славянских названий» (Агеева, 1989, с. 181).

Реки и озера у многих народов почитались священными, культ воды проявлялся в жертвоприношениях им, а на их берегах совершались обряды с песнопениями и заговорами. Название реки Нил повторяется в имени бога реки Нила. До наших дней сохранилось мужское имя Нил, через греческое посредство пришедшее в русский именник. В представлениях

славян большие реки — обиталища водяных царей, русалок и водяных дедушек (водяники, водяные), которые предпочитают омуты, живут в ямах под колесами водяных мельниц.

Многие озера также считаются священными, святыми, поэтому приобретают статус заповедных. Они, как правило, отличаются значительной глубиной. Вспомним сказание о невидимом граде Китеже, якобы ушедшем в пучину озера Светлый Яр, и потому оно особенно почиталось местным населением.

На окраине Москвы в поселке Косино расположены рядом три озера — Белое, Черное и Святое. Сохранилось поверье, что на месте последнего из них стояла церковь, которая в одну ночь провалилась в бездну, где образовалось озеро. Белых озер много на Руси. Белым оно может быть названо по признаку чистоты его вод или берегов, сложенных белыми, белесыми, бледно-желтыми горными породами, но, возможно, это название выражало в древности значение «священный» (Никонов, 1969, с. 48).

Построим ряд подобных гидронимов: одно озеро Святое лежит близ города Шатуры, другое — на юго-восток от него на границе Московской и Владимирской областей. Святозеро есть в Карелии юго-западнее Петрозаводска. В бассейнах Вятки текут две реки Святица: одна — приток Чепца в Кировской области и другая — в бассейне Унжи на границе Костромской и Вологодской областей. На Украине отмечены гидронимы Боговка, Боговщина, Богова, Богов Брод, Божений, Боженик, Божок, Свята, Святец, Святославчик, Святоха, Святочна, Свячена, Свяченица, Свяченковский, Священный (Словник гідронімів України, 1979, с. 61, 62, 492). В. А. Жучкевич (1974, с. 338) упоминает реку Святица в Белоруссии, несколько Святых озер.

Святых озер много в самых разных странах мира. Коренное население Кольского полуострова — саамы — для сохранения рыбных богатств с древних времен выделяли «отдельные заповедные озера Сейявры (святые озера), где ловили рыбу только раз в год, превращая это в большие праздники... Сейды — святые духи, живущие в камнях, деревьях, горках» (Минкин, 1991, с. 06).

В Центральной Азии и Южной Сибири обращает на себя внимание повторение топонимов Далай-Нур (Далай-Нор),

Изык-Коль, Изык-Куль, Ытык-Куель. В тюркских языках *изык*, *ыдык/ытык* — «посвященный богу, жертва, священный, почитаемый». В монгольских языках *далай* — «святое, священное, заповедное».

В Западном полушарии нередко озерные имена со словами *сан*, *санта*, *сен* — «святой»: Санта-Каталина, Санта-Мария, Сан-Педро, Сен-Питер, Сент-Мэри, Сент-Терез и др.

У народов многих стран наряду с культом гор издавна существовал и ныне сохранился культ рек, культ воды. С водой связаны ритуальные обряды и различные мифологические сюжеты, о чем подробно рассказала Р. А. Агеева (1985, с. 102–123).

Укажу, что омовение младенцев — в ритуале крещения в христианской традиции. Купание в святой воде почитаемых рек и озер помогает якобы очищению от грехов и избавлению от болезней. Многим рекам разные народы приносили жертвы в надежде на покровительство в жизни и хозяйстве. Например, у народов Средней Азии существовал обычай поклонения Амударье, в ее воды бросали домашних животных, чтобы она была щедрой и обеспечивала полив полей, от урожая которых зависела жизнь дехкан. Хозяин Амударьи бог Хуби управлял режимом своенравной и капризной реки, размывающей рыхлые берега на равнине. Хорезмийцы призывали своих сыновей, работавших на речных кораблях, быть почтительными к духам Амударьи, которые могут быть злыми и добрыми, грозными и милостивыми. Некогда эта река называлась Вахш. Ныне этот гидроним сохранился, но относится уже не ко всей Амударье, а только к одной из главных двух ее составляющих. Вахш в мифологии древних обитателей Турана — «дух воды». На карте Узбекистана и сегодня читаются топонимы Вахшивар, Вахшивардар.

Монголы считали реку Орхон, протекающую в благословенном, богатом пастбищами, лесами и водами Хангае, священной. Существовал обычай одаривать ее воды кумысом, мясом, деньгами и другими ценностями. Во время царствования императора Китая Юнчжэна (1723–1735 гг.) этой реке был присвоен княжеский титул Туше-гуна и выделено ежегодное пособие в размере 300 лан серебром, которые в день

чествования Орхона ламы из старинного монастыря Эрденицу бросали в воды потока.

Реки казались живыми организмами, наделялись именами, отчествами, эпитетами: Дунай Иванович, Днепр Славутич, Тихий Дон, Дунай-батюшка, Волга-матушка. Среди них самое почетное место принадлежит Дунаю — главной реке славянского мира. Этот гидроним многократно повторяется в Восточной Европе, где нередко теряет значение собственного имени и приобретает обобщающее понятие любого водного объекта: река, озеро, разлив, наводнение. В польских диалектах сохранилось значение *dunaj* — далекая незнакомая река, море.

Дунай ассоциируется с родиной славянства. Дунаю поклоняются, о нем поют песни, в его воды бросают венки из цветков, на берега приходят просить защиты девушки, невесты, ему рассказывают о своих мечтах, делятся с ним сокровенными мыслями. В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского (1974, с. 103) указаны личные имена Дунай-князь Иван Шаховской (XVI в.) и крестьянин Дунай Самсонов (начало XVII в.) из Арзамаса (пример перехода гидронима в имя человека).

Реки, их жизнь, вечное движение повсеместно вызывали интерес у людей, о них слагались легенды. Так, в литовском фольклоре рассказывается о том, что многочисленные ручьи, сливающиеся в небольшие речки, — это слезы мифических великанов. Ф. Г. Гарипова в капитальном исследовании гидронимии Татарстана (1991, с. 227) пишет, что древний этнос Среднего Поволжья — булгары и современный — татары — «поселялись обычно у водных источников, следовательно, вода, водный источник играли в их жизни важную, определяющую роль. Поэтому каждый большой и малый источник имеет название. Сами объекты и их названия (адресная и другие функции) активно участвуют в общественной жизни местного населения. Разветвленная система гидронимических номенклатурных терминов в речи местного населения также говорит о большой роли водных объектов в жизни народа».

В монгольской мифологии Лу — дух, хозяин воды и громовержец. В Китае и Индокитае живут поверья, что в реках, озерах обитают добрые драконы (Лун, Лонг). Дракон — популяр-

ный персонаж в мифологии народов Восточной Азии, его функции универсальны. Весной Лун поднимается в небеса, осенью же его дом — водная стихия. Царь драконов Лунван — повелитель рек, озер, колодцев, ему поклонялись все, кто был связан в своей деятельности с водой — рыбаки, земледельцы, путешествующие по рекам. Он мог управлять дождями, наводнениями, бурями, у него просили помощи при засухе. Естественно, что мифический дракон нашел отражение в топонимии: река Амур у китайцев — Хэйлунцзянь — «река черного дракона». Во Вьетнаме залив Халонг — «опустившийся дракон», река Хоанлонг — «золотой дракон», озеро Дамлонг — «болото дракона», река Кыулонг (Меконг) — «девять драконов». Дракон — водяное животное — в этом списке оказывается синонимом воды. Не случайно во вьетнамском языке Лонг вуонг — не только «царь драконов», но и «бог воды» и «бог дождя». Сравним также: лонг — «дракон», но в переносном значении — «император, царь». В другом фонетическом близком слове луонг совпадают понятия «течение воды», «поток», «дракон».

Значение рек и озер в хозяйстве и культуре Китая подчеркивается еще номинацией многих провинций, когда их устойчивая номенклатура привязывается к гидронимам. Так, в Китае название провинции Ляонин отражает имя реки Ляохэ. Пара Хэбэй и Хэнань — «на север» и «на юг от реки» — говорит о местоположении провинций по отношению к реке Хуанхэ. Другая пара — Хубэй и Хунань («на север» и «на юг от озера») указывает на связь с озером Дунтиху. Имя провинции Цзянси как будто содержит информацию о том, что она расположена на запад от реки Чанцзян (или Янцзы), но она оказывается южнее ее. Такое противоречие объясняется историческими причинами. Был округ Цзяннансилу, в названии которого есть слова *нан* — «юг» и *си* — «запад». Длинное название сократилось, и ныне мы видим на карте Цзянси (Черножуков, 1964, с. 86). В центральной части государства выделяется многолюдная и богатая провинция Сычуань — «четырёхречье». Речное начало легко обнаруживается в номенклатуре провинции Чжэцзян, озерное — в Цинхэе, где находится большое озеро Кукунор (монгольский гидроним) или Цинхай (китайский аналог, повторяющий монгольский — «синее озеро»).

В Северном Китае, близ реки Хуанхэ, в пустынной местности лежит пересыхающее озеро Тэнгри-Нур. Это монгольский топоним. Тэнгри (тэнгэр) — «бог, небо». Точно такое же название можно прочесть на карте Тибета, где заметно выделяется большое озеро Тэнгри-Нур. Тибетцы произносят «Намцо», вкладывая то же самое содержание. В восточной части Внутренней Монголии расположено небольшое озеро Дархан-Нур. Дархан в монгольских языках имеет несколько значений: священный, заповедный, неприкосновенный. В Монголии, в горах Хангая берет начало река Богдын-Гол, правая составляющая реки Дзабхан. Богдын — форма родительного падежа от богдо — «святой, мудрый».

В Таиланде самая полноводная река Менам — «мать рек, мать воды». В Юго-Восточной Азии течет полноводный Меконг. Его сток в четыре раза превышает водность Волги и в два раза самой многоводной реки России — Енисея. Ежегодно Меконг сбрасывает в море 1000 км³ воды. В названии Меконг видим то же начало ме — «мать». И опять переводим — «мать-река». Вторая составляющая конг очень часто присутствует в гидронимии Индокитая в значении нарицательного слова «река». Однако обязательно нужно учитывать, что в прошлом здесь бытовал матриархат. Поэтому и наблюдается синонимичность понятий «мать» и «главный, большой» в слове ме. Получается, что гидронимы Менам и Меконг точнее этимологизировать и так: «главная, самая большая река», что и отвечает реалии.

Считают, что место зарождения китайской цивилизации и государственности было первоначально привязано к бассейну Хуанхэ. Эта большая река несет громадное количество наносов (мировой рекорд — более миллиарда тонн в год), засоряя ими собственное русло и разрушая берега, выходит она за их пределы и заливают громадные площади Северо-Китайской низменности. Много бед приносила Хуанхэ народу, когда затопляла нивы, деревни, города, дороги. Ее называли «желтым зверем», «горем Китая», «рекой тысячи огорчений». Легко представить, что люди молили богов отвести от них удары разрушительной стихии. Дух реки Хэ-Бо ведает ее режимом. Он ездит на колеснице, запряженной драконами,

прямо по воде. Титул хэ-бо переводится как «дядюшка реки». Сколько труда вложено в строительство валов длиной в сотни километров вдоль берегов Хуанхэ, чтобы обуздать ее нрав.

Общеизвестно, что большие реки и в Индии пользуются особым почетом. Берега священной реки Ганг, которую называют мать-Ганга, — место молитв и культовых обрядов. На ее берегу совершается сожжение покойников. В индийской мифологии предшественником земной Ганги была небесная река Ганга. Ее истоки — в пальце одного из высших богов Вишну, откуда она сошла на землю семью потоками, чтобы одарить людей водой, а встретившись с океаном, ушла в подземный мир. Ганга, таким образом, оказалась рекой трех миров: верхнего — небесного, среднего — земного и нижнего — подземного. Место впадения крупного притока Джамны в Ганг считается особенно священным, поэтому туда стекаются тысячи паломников, чтобы поклониться небесной воде, омыться ею, выполнить ритуальные моления. Среди городов Индии большой известностью пользуется и город Варанаси, куда также стекаются массы богомольцев. Он расположен у места впадения двух рек — Варана и Аси — в Ганг. Сложение двух гидронимов и дало имя городу (Никонов, 1969, с. 74). Представление о небесном происхождении священных рек относится не только к Гангу, но и к Инду, и к Брахмапутре. Последняя получает такое имя только в низовьях, в Бенгалии. Брахмапутра — «сын Брахмы», высшего божества, создателя мира в индуистской мифологии. Такое топонимическое образование лишний раз свидетельствует о культе реки, ее обожествлении.

Сюжет о небесном течении рек повторяется и в представлениях древних греков. Так, реки Восточной Европы, текущие с севера на юг, — Волга, Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут — были известны им только в низовьях, а верховья лежали вне границ ойкумены. Их истоки, считали они, находятся на небе, откуда идет дождь и где воды собираются в потоки (Зайцев, 1989).

В Греции и Риме, с их развитыми мифологическими системами, много богов олицетворяют море, океан, реку. У древних греков бог Понт — хозяин моря, его сын Нерей — доброе божество, покровительствует морякам, умиротворяет морские

стихии. Его дочери nereиды живут в морях и помогают плавающим находить безопасный путь, обходить рифы и подводные скалы. Особой известностью пользовался бог моря Посейдон и его римский аналог Нептун. Один из древних богов — Океан, жил в подводном дворце, его три тысячи сыновей и три тысячи дочерей — нимфы океаниды — обитали в реках. У древних греков Океан — сын неба и Земли — великая река, омывающая со всех сторон плоскую землю. Только позже океаном стали называть безбрежное море. Первоначально таким безбрежным морем была только Атлантика, в которую мореплаватели из Средиземного моря вышли через пролив у Геркулесовых Столпов (современный Гибралтарский пролив), и попали в незнакомые воды, назвали их Западным, или Атлантическим, океаном. Название это опять же связано с мифическим героем Атлантом, на плечах которого держался небесный свод. Мы говорим «океан» (в русском фольклоре «киян-море»), не подозревая о происхождении этого слова. По верованиям древних, в подземном царстве Аиде протекает «река забвения» Лета: кто выпьет ее воду, тот забывает жизнь на земле. Страбон пишет, что в Элладе дочь царя Салмона Тиро «влюбилась в реку, в божественного Енипея», впадающую в Алфей на полуострове Пелопоннес (1879, с. 371).

Воду из священной реки Иордан разливали в сосуды и продавали паломникам, желающим исцелиться от болезней или получить прощение грехов. В русских народных диалектах с этим речным именем связаны слова *ердань*, *ирдань*, *ордан* — «прорубь для освящения воды», позже и для подледного лова рыбы; *иордань*, *ирдань* — «чистый ключ, колодец». Волга берет начало на Валдайской возвышенности в колодце-ключе Иордань. Такой топоним говорит о святости источника, рождающего великую русскую реку.

В гидронимии Западной Европы также сохранились следы древнего культа воды. В интересной работе О. Добиаш-Рождественской можно прочитать о связи святых дев с жизнью рек в исторической Галлии, в бассейнах Рейна, верхней части Роны, в горах Западных Альп, Юры, Вогец и Арденн: «Симбиоз горной вершины, водного источника и богини-матери, которая в этом тройном определении была властным и защитительным

божеством места» (1926, с. 128). Особой святостью пользовалась река Марна — правый приток Сены. Происхождение этого гидронима однозначно этимологизируют из галльского *matrona* — «мать», в мифологии кельтов — «мать богов» (греческому этнониму кельты соответствует римский галлы).

Отмечу, что наряду с Марной все перечисленные здесь топонимы — Рейн, Рона, Альпы, Юра, Вогезы, Арденны — возникли до нашей эры. Многие исследователи относят их ко времени расселения кельтов в Европе или даже в докельтский период, и в этом случае они оказываются доиндоевропейскими.

Академик Н. Я. Марр опубликовал в 1926 г. статью о гидронимии Сибири, в которой писал: «Действительно первобытные названия рек сами по себе без всякой добавочной прибавки определяющих слов означают прежде всего нераздельно воду + реку, но в то же самое время в порядке мифологических представлений подлинно доисторических эпох с водой связаны образы различных племенных животных, в первую очередь тотемных, как-то: волка, собаки, лошади, с чем неразрывно связано также то, что одновременно это племенные названия этнических образований, сидевших на этих реках» (с. 351).

А. Ф. Орлов — автор книги по топонимике (1907), оставил небольшую рукопись «Реки — боги древних». В ней указано, что автором создан каталог 7000 рек, на которых расположено столько же одноименных поселений. На отдельных реках нет населенных мест, повторяющих их названия, но зато на многих других находятся две–четыре и даже пять деревень, сел и городов, нареченных по гидронимам. Оказывается, что очень большое число наиболее известных богов носят имена рек. При этом, подчеркивает автор, первичными оказываются гидронимы, вторичными теонимы. Такая последовательность установлена на основе списка пантеона Малой Азии, Индостана, Европы. Среди таких рек — Тибр, которому поклонялись и приносили в жертву пленных рабов, Секванна (Сена), Родан (Рона), Дунай, Буг, Лаба (Эльба), Стрый, Кострома и др. В 1333 г. итальянский поэт Франческо Петрарка посетил Кельн, где наблюдал, как большая толпа женщин в венках мыли руки в воде Рейна и бормотали при этом молитвы. Этот древний очистительный обычай, завещанный предка-

ми, якобы спасает от болезней и бед в течение целого года. «О счастливые жители Рейна, сказал я с усмешкой. Ваши бедствия Рейн отвращает, а наши ни бог Пад, ни бог Тибр уже не имеют силы отвращать» — записал поэт. Отсюда следует, что в прошлом и реки По и Тибр были наделены божественными функциями, помогавшими человеку в трудный час.

Обратимся к теме отражения речных имен в названиях морей, заливов, государств и других географических объектов. На севере нашей страны широкая Обь и могучий Енисей впадают в Карское море. Сюда же несут свои воды множество других больших и малых рек. Среди них Кара, берущая начало на севере Полярного Урала. Отнюдь не во всех атласах можно ее обнаружить. И все же именно эта неприметная река оказалась «крестной» Карского моря. Кара впадает в Карскую губу. Такая закономерность характерна для Северного Ледовитого океана: Обь и Обская губа, Енисей и Енисейский залив, Хатанга и Хатангский залив, Печора и Печорская губа. Название Кара повторяется и в топониме Карские Ворота — пролив, разделяющий остров Вайгач и Новую Землю. Этот пролив как бы открывает вход мореплавателям в Карское море. Почему же маленькая Кара оказалась виновницей номинации этих водных объектов? Ответ на этот вопрос помогает найти история. Мореходы-поморы пользовались рекой в своих плаваниях для выхода в море. Кроме того, Кара изобиловала рыбой и водоплавающей птицей и могла обеспечить путешественников пищей на многие дни. Давно известно происхождение гидронима Кара. В ненецком языке хара — «извилина». Точно такая же взаимосвязь наблюдается в паре Чёшская губа — небольшая река Чёша, по которой поморы легко попадали из Мезенской губы Белого моря в Баренцево, не огибая полуостров Канин. Но как открывается гидроним Чёша, неизвестно.

На западе от Карского моря находится Баренцево море. Оно носит имя голландского исследователя Северного Ледовитого океана XVI в. Виллема Баренца. Юго-восточная часть этого моря, прилегающая к устью Печоры, называется Печорским морем. О происхождении гидронима мнения топонимистов расходятся.

На Дальнем Востоке простирается обширное Охотское море. Русский землепроходец казак Иван Москвитин впервые вышел на его побережье в 1639 г. и назвал его Ламским. В эвенкийском и эвенском языках нарицательное ламу — «море». Отсюда и устаревший этноним «ламуты» — приморские тунгусы, эвены. Можно подумать, что в названии Охотское море отражено слово охота — из-за богатства морским зверем и обилия рыбы. Действительность позволяет утверждать и то, и другое. Но море получило такое имя по небольшой реке Охота, в устье которой приютился рабочий поселок Охотск в Хабаровском крае. Река дала название и Охотску, и Охотскому морю. Именно по долине Охоты была проложена дорога, по которой осуществлялась связь, при помощи вьючного транспорта, между Якутском и морем. Осталось сказать, что гидроним Охота происходит от эвенкского нарицательного слова окат — «река».

Вне России названий морей, восходящих к речным именам, нет. В этом специфика топонимии нашей страны.

Коротко остановимся на номенклатуре заливов, губ, лиманов. Общеизвестно, что она обычно прямо указывает на реки, в них впадающие. Примеры такой сопряженности уже были приведены. Можно добавить Днестровский, Днепровский и Бугский лиманы на Черноморском побережье, Анадырский и Камчатский заливы Берингова моря, Пенжинская, Удская и Гичигинская губы в Охотском море. Амурский лиман в северной части Татарского пролива, Анабарский залив моря Лаптевых. В сибирских морях Северного Ледовитого океана — Оленекский и Янский заливы и Чаунская губа. В Белом море — Кандалакшская губа, Онежская, Двинская. За рубежом подобная зависимость наблюдается редко: бухта Сены в Ла-Манше, залив Дрин, куда впадает одноименная река на албанском побережье Адриатического моря. Во многих странах Западной Европы заливы, как правило, повторяют названия городов, расположенных на их берегах: Бристольский залив на побережье Англии, Валенсийский в Испании, Венецианский и Неаполитанский в Италии, Токийский в Японии, Аденский в Аравийском море.

Полуострова, названные по именам рек, редки. В России два больших, широко известных — Кольский и Камчатка — получили свое наименование по рекам Коле и Камчатке, Онежский — по реке Онеге и сравнительно небольшой Тугурский — по реке Тугур на Дальнем Востоке. На Таймырском полуострове текут реки Большой и Малый Таймыр. Последняя вытекает из одноименного озера. Начальное звено этой цепи — имя реки.

Гидронимия непосредственно переходит в оронимию. При этом обычно первично название реки, вторично — имя горы, хребта, равнины, низменности, впадины. Но нужно заметить, что такая гидронимическая номенклатура нередко оказывалась искусственным образованием, необходимым для систематизации морфологических единиц рельефа. В этом отношении показательна Сибирь, в частности Алтай: Абаканский хребет, Авачинская сопка, Анабарское плоскогорье, Буреинский, Верхоянский, Вилюйский хребты, Колымское нагорье и Колымская низменность, Момский хребет, Ануйский, Катунский, Курчумский, Нарымский, Убинский, Ульбинский, два Чуйских хребта, Чулышманские хребет и плоскогорье.

Такая же закономерность прослеживается в Европе: Приволжская возвышенность, Приднепровская низменность, Рейнские Сланцевые и Везерские горы, Нижнедунайская низменность. В Азии: Чаткальский и Угамский хребты, хребет Нарын-Тоо, Чу-Илийские горы, горы Сияло, Таримская впадина.

Общеизвестно, что гидронимы читаются и в номенклатуре городов. Такая закономерность прослеживается повсеместно. Но интересно подчеркнуть, что она проявляется далеко не одинаково в тех или иных странах. В Китае, например, нет ни одного крупного города, нареченного по реке. Из 18 аймачных центров Монгольской Народной Республики только один точно повторяет название реки — Кобдо (Ховд). Наричательное слово *мурэн* — «большая река» читается в имени главного города Хубсугульского аймака Мурэн, расположенного на берегу реки Дэлгэр-Мурэн. Из многочисленных столиц азиатских государств лишь одна — Кабул — имеет гидронимическое происхождение. Отсюда же и имя истори-

ческой области Кабулистан. Та же ситуация и в Европе, где только Москва, Минск, Вильнюс точно указывают на связь с реками, имя которых первично, а городов вторично. В Северной Америке столица Канады Оттава названа по реке; в Южной Америке столица Перу Лима восходит к имени реки Лимас. В Центральной Америке совпадают топонимы реки Манагуа и столицы Никарагуа Манагуа. Судя по окончанию слова элементу *qua* — «долина, река» — первично имя реки. Таким образом, в многочисленных государствах всех трех Америк оказалось только три стольных города, названия которых повторяют гидронимы. Еще меньше их в Африке: Мапуту в Мозамбике и Лилонгве в Малави.

Конечно, нестоличных городов с «речным» началом в названии можно обнаружить гораздо больше. Приведем несколько примеров, подтверждающих такое положение: в Италии — город Парма на реке Парма; в Германии — города Саарбург и Саарбрюккен на реке Саар; Хемниц на реке Хемниц; Шпрее на реке Шпрее; Рейнфельд и Рейнхаузен на реке Рейн; Донауштаф, Донауэшинген, Донауверт на Дунае. В Венгрии — город Дунауйварош на той же реке. В Австрии — города Инсбрук на реке Инн, Энс на реке Энс, Зальцбург на реке Зальцах. В Словакии — города Нитра на реке Нитра, Гронска-Дубрава на реке Грон, Дунайско-Стреда на Дунае. В бывшей Югославии — город Дринача на реке Дрина. В Голландии — Амстердам и Роттердам на Амстеле и Ротте.

На востоке Евразии укажем на парные топонимы в Китае: города Нэньцзян на реке Нэньцзян (Нонни), Хайлар на реке Хайлар (Аргунь), Хэйхэ на реке Хэйхэ (Хэйлунцзян), Урумчи на реке Урумчи. Все эти названия сравнительно молоды в многовековой истории Срединного царства.

В России, Украине, Белоруссии речные имена городов обычны. Здесь вряд ли нужны примеры. Их знают и школьники: Вологда, Пинск, Полоцк, Припять, Иркутск, Витебск, Томск, Ужгород и др. Топонимы нескольких городов и рабочих поселков оказываются производными от гидронимов Волга, Кама, Днепр, Дон, Двина и других больших и малых рек.

На севере России и в Западной Европе, с их таежными лесами и болотами, человек обживал в первую очередь берега

рек, где он селился, а сами реки мог использовать как пути сообщения. Названия поселений часто повторяют гидронимы в одном ряду: Верхо-Паденьга, Паденьга, Усть-Паденьга, в зависимости от их положения в долине. А. Ф. Орлов (рукопись 1940 г.) пишет: «Если реки имеют большое протяжение, как, например, Вага (560 км), то на ней будут все эти названия: Вага (ныне Шенкурск), Усть-Вага, Верховье-Важье и Верховье. Промежуточные поселения называются по притокам: приток Ваги Вель, следующее будет Усть-Вель и Вельск; приток Сюма будет Усть-Сюма, Сюма и Верхосюмье». Закономерность эта наблюдается не только в гидронимии Севера. Так, на реке Горынь (бассейн Припяти) расположены Большая Горынь, Малая Горынь, Горыньград, Горынь-на-Истоке. На реке Нача (тот же бассейн) восемь одноименных деревень. А в Западной Европе на реке Саар (бассейн Мозеля, Германия и Франция) насчитывается семь поселений: Саарбург (два), Сааральтдорф, Саарунион, Сааргемюд, Саарбрюккен, Саарлуиз.

Карта Германии пестрит многочисленными названиями населенных мест с начальными обер (*ober* — верхний, находящийся наверху) и нидер (*nieder* — низкий, невысокий): Обер-Веймар, Обер-Дюссель, Обер-Зааль, Обер-Нейзен, Обершварцбах; Нидер-Вейдбах, Нидер-Кассель, Нидер-Фишбах, Нидер-Шварцбах, Нидер-Шельден и т. д. Топонимы, как правило, указывают на более верхнее и более низкое положение городов или деревень по речным долинам. Речные имена сохраняются даже в названиях городов, перенесенных по каким-то соображениям с первоначального места на новое. Таковы Минск, Оренбург, Волоколамск, Тотьма. Ныне они находятся в стороне от рек Мень (Мена), Орь, Лама, Тотьма.

При анализе системы речных названий населенных мест выявляется такая закономерность: поселения часто возникали у слияния рек. При этом, как правило, они получали имя притока, а не главной реки, принимающей его воды. Не случайно в прошлом такое имя предварялось словом «устье», указывающем на место впадения реки. Ныне это слово непродуктивно в номинации, но старые формы сохранились в большом количестве и сегодня легко читаются на карте: Усть-Абакан, Усть-Баргузин, Усть-Вага, Усть-Воркута, Усть-Ижма, Усть-

Илимск, Усть-Камчатск, Усть-Кут, Усть-Лабинск, Усть-Уда и много, много других.

В названиях улиц многих городов также нередко производные от гидронимов. В Москве, например, Ангарская и Байкальская улицы, Волжский бульвар, Ленская и Окская улицы; Днепровский и Неманский переулки в Петербурге.

Названия рек перенесены народом на названия местных ветров. Обычно они информируют о направлении движения воздуха с верховьев долины вниз. Такой способ номинации давно известен и ныне широко используется в научных трудах по климатологии и метеорологии. Классический пример: шелоник (шалоник) — юго-западный ветер, дующий по долине реки Шелонь и вызывающий высокую волну на озере Ильмень. Русская колонизация способствовала переносу имени этого ветра на север и в Сибирь. На Колыме он южный, на Байкале южный и юго-восточный. Большое собрание номенклатуры ветров представлено в словаре Л. З. Проха (1983). К «речным» ветрам относятся ангара, баргузин, сарма, селенга на Байкале, зейский по реке Зее — притоку Амура, кубанец, чилик (илийский) по рекам Чилик и Или в Казахстане.

В середине нашего столетия с карты Азии и Африки исчезли почти все колонии. Распад колониальной системы привел к образованию десятков новых суверенных государств. Их названия в большинстве случаев возникли на местной почве. В этом отношении большой интерес вызывает Африка, где появились страны, нареченные по гидронимам, и их названия точно повторяют имена рек и озер. Заметим, что первые европейские исследователи этого материка, его природы и народов строили свои маршруты по рекам. Искали истоки Конго, Нила, Нигера, Замбези.

По реке Нигер названы сразу две республики — Нигер и Нигерия. Рядом с Нигером небольшое государство Верхняя Вольты именуется так потому, что расположено в верховьях реки Вольты, где текут две ее составляющие — Белая и Черная Вольты. Португальский гидроним по *rio de Volta* — «река возвращения» сохранился с XVIII в.

Португальское же название реки Камерун (*rio des Camarões*) было принято для Объединенной Республики Камерун.

На юг от нее, на Атлантическом побережье, есть государство, которое именуется по реке Габон. В португальском языке *qabaо* — «матросский плащ». В. А. Никонов замечает: «Необычная для гидронима этимология может быть связана с одеждой жителей, встреченных португальцами. Ненадежно. Коренное население называет реку Мпонго» (1969, с. 93). На северо-западе Африки в Атлантический океан впадает река Сенегал, пограничная между республиками Сенегалом и Мавританией. На юге в территорию первой из них вклиниваются узкой полосой вдоль реки Гамбии земли небольшого одноименного государства. Эти две страны образуют федерацию Сенегамбию.

В центральной части Африканского материка протекает полноводная Конго: в верхнем течении — Луалаба, в среднем — Заир. В бассейне этой реки расположены две большие республики: Конго и Заир. Республика Замбия наречена по реке Замбези, впадающей в Мозамбикский пролив Индийского океана. На языке банту Замбези значит просто «великая река».

В Северной Африке расположено большое, но мелководное усыхающее озеро Чад, по нему названа республика Чад. А вот название государства Танзания сложено из двух топонимов. В Восточной Африке протянулось длинной узкой полосой очень глубокое озеро Танганьика. Оно второе по глубине (1470 м) на земном шаре, немного уступает только Байкалу. До 1964 г. здесь было два государства — Танганьика и Занзибар. Слившись в одно целое, они образовали Объединенную Республику Танзанию. В этом имени первая часть взята из слова Танганьика, а вторая из слова Занзибар — названия небольшого острова, лежащего близ восточного побережья Африки.

В том же тектоническом желобе Восточно-Африканской зоны разломов недалеко от Танганьики есть и другое глубокое озеро Ньяса, что на языке банту значит «озеро». Его второе имя Малави. До 1964 г. на его западном берегу простирались земли британского протектората Ньясаленд — ныне республика Малави. И озеро, и республика отражают имя древнего африканского государства. Еще одна страна — То-

го, расположенная в Западной Африке у берегов Гвинейского залива, называется по небольшому озеру Того.

Итак, в Африке насчитывается 13 государственных образований, имена которых апеллируют к гидронимам. В этом списке названия рек и озер первичны, названия республик вторичны.

Обратимся к карте Азии. И первый пример — река Инд, берущая начало в Тибете и протекающая в Индии и Пакистане. Синдху в переводе с санскрита просто «река», такое совпадение не исключение. Во многих языках и странах нарицательное «река, вода» со временем приобретают собственное значение. Гидроним образовал длинную топонимическую цепь, звенья которой составляют протяженные и широко известные географические объекты: два больших полуострова Индостан и Индокитай; два многолюдных и богатых государства Индия и Индонезия; а также Индийский океан, Индо-Гангская равнина. Словосложение Индонезия — Островная Индия включает греческое *несос* — «остров», в диалектах — «полуостров». Это слово продуктивно в топонимии: греческий полуостров Пелопоннес (Пелопс — один из мифических героев Греции), архипелаг Додеканес (десять островов) в Эгейском море, Полинезия (много островов), Меланезия (черные острова, по цвету кожи островитян), Микронезия (острова малых размеров) — все в Тихом океане. В Крыму близ Севастополя хорошо сохранились развалины древнегреческой колонии Херсонес.

Вспомним также, что в Западном полушарии совокупность островов в Атлантическом океане между Северной и Южной Америкой носит общее название Вест-Индия, а море Вест-Индское включает Карибское море и Мексиканский залив. Топоним Вест-Индия уже уходит в пассивный запас географической номенклатуры, а вот неправильное обобщающее имя коренных жителей всех Америк — индейцы сохраняется и по сей день.

Итак, много названий восходит к одному гидрониму Инд, хотя не все прямо апеллируют к нему, большинство из них через главное звено, каким оказалась Индия.

Еще одно имя азиатской реки стало «крестной» для названия государства. Сравнительно небольшой и маловодный Иордан известен тем, что протекает в области, где зарождались иудейство, христианство и мусульманство. Гидроним очень древний, его возраст исчисляется несколькими тысячелетиями. Земли, лежащие на восток от реки, еще в середине нашего века назывались Трансиорданией, то есть расположенные по ту сторону Иордана. Это был арабский эмират, входящий в сферу влияния Великобритании, ныне это Королевство Иордания, или Иорданское Хашимитское Королевство — Аль-Мамляка аль-Урдуния аль-Хашимия.

Теперь переместимся в Южную Америку. В Южной Америке текут многоводные реки. Одна из них — Уругвай, впадающая вместе с Параной в залив Ла-Плата, дала название Восточной Республике Уругвай. Имя большого правого притока Параны — Парагвай отразилось в названии республики Парагвай. Обращают на себя внимание одинаковые окончания в гидронимах Парагвай и Уругвай. Это не случайно. Заметим также и начальное *пара* в речных именах Парана и Парагвай. На местных языках *пара* — «река, большая полноводная река». Термин широко распространен в топонимии Бразилии, Боливии и Колумбии в качестве топонимообразующей основы для первого элемента в сложных топонимах (Литвин, 1983, с. 148–149). Окончание *-гвай*, в испанском начертании *guay* образовался из *waya* — «долина, река». Элемент вычленяется в составе гидронимов, многие из которых называют крупные реки: *rio Paraguay*, *rio Uruguay* и т. д. (Там же, с. 98).

На северо-восточном побережье Южной Америки были три небольшие колонии: Британская Гвиана, Нидерландская Гвиана и Французская Гвиана. Первая из них ныне Кооперативная Республика Гайяна, последняя осталась владением Франции. А Нидерландская Гвиана стала Республикой Суринам с пестрым этническим составом населения, которое объединяет голландский язык. Суринам орошается небольшими реками. Наиболее значительная из них Суринам.

В Северной Америке в США имена многих штатов повторяют гидронимы, имеющие, за малым исключением, корни в местных языках аборигенов. Речное происхождение названий

имеют 15 штатов: Айова, Аризона, Висконсин, Иллинойс, Канзас, Кентукки, Колорадо (испанский гидроним «красная река»), Коннектикут, Миннесота, Миссисипи, Миссури, Мичиган (по озеру), Небраска, Огайо, Теннесси. И это из пятидесяти. Совсем не мало. Почти 70% названий департаментов Франции восходит к гидронимам: Гаронна, Ду, Дордонь, Ло, Луара, Марна, Мозель, Рейн, Рона, Сена, Уаза, Шер, Эн и многие другие. В Германии, в отличие от Франции, в номинации земель сравнительно мало гидронимов: Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саар.

В номенклатуре России «гидронимичная» область всего одна — Амурская. В Средней Азии три — Иссык-Кульская, Кашкадарьинская, Сурхандарьинская. Косвенно, через имена областных центров, к ним относятся Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Иркутская, Московская и др. Но это уже вторичные образования.

В Европе нет ни одного государства, название которого было бы прямо или косвенно связано с гидронимом.

Из этого обзора «речных и озерных» названий государств можно ли сделать вывод о малой их продуктивности на «старом» материке — Евразии и весьма высокой в Африке, где государственное становление происходило буквально на наших глазах?

И последнее. По рекам и в прошлом, и ныне проводят государственные границы. Такое положение подтверждается многими примерами. Граница Белоруссии с Польшей частично совпадает с рекой Западный Буг. В Закавказье по реке Аракс Армения и Азербайджан граничат с Турцией и Ираном. В Средней Азии таким рубежом оказалась река Атрек в своем нижнем течении, здесь соприкасаются земли Туркменистана и Ирана. Частично такую же роль играет река Теджен. В Иране и Афганистане она называется уже Герируд («река города Герата») и разделяет земли этих стран. Рубеж между Таджикистаном и Афганистаном на большом расстоянии проходит по верхней части Амударьи и по Пянджу. На востоке России, в Туве, функцию пограничной выполняет река Тэс, впадающая в озеро Убсу-Нур в Монголии. Значительная часть границы России с Китаем проходит по рекам Аргунь,

Амур и Уссури. Для полноты картины приведем несколько примеров из географии Европы и Америки. Граница Польши и Германии проходит по Одру. Дунай — большая пограничная река. На разных участках она разделяет Болгарию и Румынию, Югославию и Румынию, Венгрию и Словакию, Словакию и Австрию, Францию и Германию, Австрию и Швейцарию. В зарубежной Азии граница между Китаем и Северной Кореей приурочена к рекам Ялуцзян (Амноккан) и Тумыньцзян (Туманган). В Индокитае река Меконг — рубеж между Лосом и Таиландом, а Ганг на небольшом отрезке разделяет Индию и Бангладеш. В Африке еще в колониальный период материк был разделен метрополиями на части, нередко без учета этнографических и языковых отличий. И реки при этом стали границами владений европейских держав. Таковы Сенегал, Конго, Нигер, Убанги, Замбези, Лимпопо, Оранжевая, Шари, Рувума, Черная Вольта, которые и в наши годы частично оказались пограничными для молодых государственных образований. В Северной Америке граница между Мексикой и США проходит по реке Рио-Гранде. В Южной Америке пограничными оказываются Ориноко, Парана, Уругвай, Гуапоре и несколько малых рек.